Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 3 (312). С. 200–205.
Izvestia Voronezh State Pedagogical University. 2026. (3), 200–205.

Научная статья
УДК 93/94/677.05/685.34.05/687.053
DOI: 10.47438/2309-7078_2026_3_200.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП МОДЕРНИЗАЦИИ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР В ГОДЫ VIII ПЯТИЛЕТКИ (1966–1970 гг.)

Михаил Михайлович Коротеев[1]

Юго-Западный государственный университет[1]
Курск, Россия

[1]*Аспирант кафедры конституционного права, ORCID ID: 0009-0006-7307-757X, e-mail: mixamickor@mail.ru, тел.: +79155181280*

Аннотация. В статье на основе анализа нормативно-правовых актов и архивных документов Российского государственного архива экономики исследуется процесс технического перевооружения предприятий легкой промышленности СССР в годы восьмой пятилетки. В статье показано, как в 1966–1970 гг. происходило оснащение предприятий прядильными машинами, ткацкими станками, транспортными устройствами и другим технологическим оборудованием. Автор анализирует достижения и противоречия технической модернизации: с одной стороны, увеличение доли механизированного труда и рост производительности, с другой – хронические недопоставки оборудования, недостаточная комплексность механизации и низкая эффективность использования новой техники.

Ключевые слова: техническое перевооружение, модернизация оборудования, прогрессивные технологии, легкая промышленность, рентабельность, предприятия.

Для цитирования: *Коротеев М.М.* Начальный этап модернизации легкой промышленности СССР в годы VIII пятилетки (1966–1970 гг.) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 3. С. 200–205. DOI: 10.47438/2309-7078_2026_3_200.

Введение

Впервые задача комплексной автоматизации и механизации промышленного производства была провозглашена на XXI съезде КПСС в 1959 г., что рассматривалось в качестве решающего условия выполнения семилетнего плана и ликвидации тяжелого ручного труда [1, с. 306]. К середине 1960-х гг. советская экономика вплотную приблизилась к рубежу, за которым экстенсивные факторы роста утрачивали свою эффективность. Модель развития, строившаяся на вовлечении все новых ресурсов и рабочей силы, исчерпала свой потенциал. В этих условиях особенно остро обозначилась необходимость технического обновления тех отраслей, которые ранее финансировались по остаточному принципу. В их числе оказалась и легкая промышленность, чья модернизация становилась объективным требованием времени. Значительный импульс развитию легкой промышленности придали решения XXIII съезда КПСС (1966 г.), определившего курс на техническое перевооружение отрасли, предусматривавший широкое использование поточных линий, автоматических устройств и высокопроизводительной техники [2, с. 48].

Результаты

Уровень технической оснащенности предприятий легкой промышленности непосредственно влиял на объемы выпуска и качественные характеристики товаров народного потребления. В VIII пятилетке (1966–1970 гг.) вопросы технического перевооружения находились в компетенции отраслевых министерств и ведомств. На них возлагалась ответственность за реализацию единой технической политики, внедрение научно-технических достижений и передового опыта, а также за обеспечение высоких технико-экономических показателей. Внедрение новой техники осуществлялось в строго установленном порядке. Инициировали процесс союзные министерства: они формировали перечень ключевых научно-технических проблем на предстоящий период и предлагали методы их решения, после чего направляли свои разработки в Государственный комитет по науке и технике. Утвержденные комитетом детализированные графики производства оборудования затем поступали в Госплан СССР, который включал соответствующие позиции в государственные планы [7, л. 71].

Для усиления контроля над ходом технического перевооружения важнейшие параметры обновления

© Коротеев М.М., 2026

легкой промышленности фиксировались в правительственных постановлениях. В 1969 г. вышло постановление Совета Министров СССР, определявшее масштабы оснащения отрасли высокопроизводительной техникой на 1969–1975 гг. [6, с. 520–524]. Документ предусматривал установку на текстильных предприятиях 11 тыс. пневмомеханических прядильных машин, 4,7 тыс. прядильно-крутильных агрегатов, 111 тыс. бесчелночных ткацких станков различных типов, 3 тыс. мотальных автоматов и пр. Для выполнения этих задач требовались крупные финансовые ресурсы: только на 1970 г. заказы на оборудование для легкой промышленности были запланированы в объеме 193 млн. руб. Реализация государственных заданий по научно-техническому развитию обеспечивала поступление новой техники на предприятия. В 1966–1967 гг. в легкой промышленности смонтировали свыше 2 млн. новых прядильных веретен – более половины от введенных за предыдущую пятилетку. За восьмую пятилетку в целом было установлено 3,36 млн. прядильных веретен (22% от их наличия на начало периода). Число ткацких станков возросло на 48,5 тыс. (14%). Трикотажная отрасль получила 20 тыс. единиц оборудования, швейная – 70 тыс. машин. Обувная промышленность пополнилась 33,4 тыс. единиц новой техники и 78 технологическими линиями [8, л. 141–142]. Значительно повысился уровень автоматизации. В 1966–1967 гг. было смонтировано 15 тыс. автоматических ткацких станков, их удельный вес в общем парке увеличился с 69% в 1965 г. до 75%, а к исходу пятилетки достиг 83%. За пятилетие в текстильной промышленности внедрили 1 670 прядильно-крутильных машин, 400 автоматизированных поточных линий и агрегатов для отделки тканей [9, л. 50].

Итогом работы стало то, что на 1 января 1970 г. на предприятиях легкой промышленности эксплуатировалось 17,8 млн. прядильных веретен, 375,36 тыс. ткацких станков, 200 тыс. единиц оборудования для обувного производства, 51,78 тыс. чулочно-носочных автоматов, 28,6 тыс. вязальных машин. Показатели внедрения прогрессивного оборудования и технологий к концу восьмой пятилетки варьировались в очень широких пределах. Минимальным было распространение пневмопрядильных машин БД-200 (0,04%). Удельный вес бесчелночных ткацких станков в парке автоматического оборудования составлял 4,4%. Наибольшее развитие получили клеевой метод крепления обуви и унифицированные технологии пошива, охватившие 57–61,6% производства [8, л. 186].

Поставки новой техники в годы VIII пятилетки позволили полностью укомплектовать оборудованием 150 вновь построенных предприятий и провести реконструкцию примерно 200 действующих производств. Однако техническое состояние отрасли отличалось большой неоднородностью. Наряду с современными, высокорентабельными фабриками существовало множество предприятий, оснащенных устаревшей техникой. В 1966–1970 гг. основная масса заводов и фабрик объективно не могла достичь уровня технической вооруженности передовых производств, поскольку народное хозяйство СССР не располагало возможностью полностью удовлетворить потребности легкой промышленности в новом оборудовании. Заявки предприятий выполнялись максимум наполовину: по ткацким станкам – на 30%, по прядильным машинам – на 30,7% [10, л. 30]. Это объяснялось как нехваткой финансовых и материальных ресурсов, так и системными ошибками в административном управлении. Для полноценной модернизации некоторым подотраслям требовалось ежегодное финансирование в размере 50–60 млн руб. на протяжении всей пятилетки, тогда как фактически выделяемые суммы не превышали 10 млн руб., к тому же они поступали нерегулярно.

Планирование внедрения новой техники имело серьезные изъяны на всех уровнях. Отсутствовала объективная расчетная база: приоритет отдавался количественным показателям, а качественные характеристики практически игнорировались. Лишь в конце VIII пятилетки Министерство легкой промышленности СССР приступило к созданию методики составления техпромфинпланов для текстильных и трикотажных предприятий, которая должна была отражать эффективность новой техники. Нередко в планы включались разработки, от которых декларативно ожидали многократного роста производительности труда, но реального эффекта они не давали. Кроме того, стремление министерств и ведомств наращивать выпуск продукции за счет механического увеличения производства уже освоенных марок оборудования зачастую себя не оправдывало – ожидаемой отдачи не было. В ряде случаев наблюдалось даже снижение потребности в некоторых видах техники.

Наиболее оснащенные предприятия легкой промышленности демонстрировали заметный рост механизации: если в 1965 г. доля механизированного труда на них составляла 50–53%, то к 1970 г. она поднялась до 66–72%. За годы VIII пятилетки в отрасли было смонтировано свыше 4,5 тыс. транспортных устройств и около 5 тыс. единиц оборудования для автоматизации и механизации ручных работ. Это способствовало увеличению удельного веса рабочих, занятых механизированным трудом, в среднем по промышленности с 52 до 60%. Однако далеко не все подотрасли смогли достичь этих показателей. В текстильной промышленности, насчитывавшей в 1968 г. 1849 тыс. работников, непосредственно на машинных операциях было занято менее половины. Особенно низким оставался уровень механизации вспомогательных работ – погрузочно-разгрузочных, межцеховых и внутрицеховых транспортных операций. В швейной отрасли доминировали маломощные технологические потоки. Промышленные швейные машины составляли лишь 4% всего станочного парка, и на каждую швею приходилось в среднем около 8% машинного времени. В подготовительных и раскройных цехах, а также при разборке и транспортировке грузов механизация практически отсутствовала. В целом по швейной промышленности из 841 тыс. работников промышленно-производственного персонала более половины выполняли ручные операции [11, л. 25, 32–33].

В VIII пятилетке плановые задания по оснащению предприятий новой техникой систематически срывались. Фактическое внедрение научно-технических разработок в системе Министерства легкой промышленности СССР не превышало 80% от запланированного объема. В 1968 г. из 131 намеченного мероприятия по освоению новой техники полностью реализовали 106. К концу пятилетки плановые задания по вводу

оборудования были выполнены лишь частично: прядильных веретен – на 65%, ткацких станков – на 82%. В абсолютных цифрах недопоставки составили 2,6 млн. единиц прядильных веретен (43% от плана) и 41 тыс. ткацких станков (46% от плана) [12, л. 23].

Основным фактором, обусловившим невыполнение планов технического перевооружения, стали регулярные срывы поставок оборудования предприятиями Министерства машиностроения для легкой промышленности СССР (Минмашлегпром). Дефицит поставок оборудования в легкую промышленность оставался острым на протяжении всей восьмой пятилетки. В 1969 г. при потребности в 179,6 тыс. единиц поступило только 112 тыс. (62%). Минмашлегпром СССР систематически нарушал графики отгрузки: к 1970 г. его задолженность перед предприятиями Минлегпрома РСФСР превысила 400 единиц. В итоге текстильная промышленность недосчиталась 23% необходимой техники, швейная – 25%, обувная – 28% [13, л. 126]. Изучение планов научно-технического развития, которые с начала 1960-х гг. разрабатывались непосредственно на предприятиях и включали мероприятия сверх утвержденных Госпланом СССР заданий, выявило их слабую экономическую проработку. Большинство предусмотренных мер не имели должного обоснования и не могли оказать значимого влияния на снижение себестоимости или повышение качества продукции. Организационно-технические мероприятия по внедрению новой техники, как правило, составлялись лишь на один год и затем ежегодно переносились, так и оставаясь нереализованными. Общая результативность проведенных работ оставалась невысокой и демонстрировала устойчивую тенденцию к снижению. Показателем низкой эффективности внедрения новой техники и технологий служило незначительное число высвобождаемых рабочих и инженерно-технических работников на предприятиях – при том, что дефицит кадров в стране сохранялся.

Эффективность использования поступавшего на предприятия нового оборудования снижалась под влиянием комплекса факторов как объективного, так и субъективного характера. На большинстве предприятий легкой промышленности коэффициент сменности оборудования увеличивался медленно и к 1970 г. достиг лишь 2,64. Анализ использования оборудования в 1967–1968 гг. выявляет значительные различия между подотраслями. Коэффициент сменности в льнопрядении равнялся 2,3, в льноткачестве – 2,61, в шерстопрядении – 2,67. Сверхплановые простои достигали: в прядении хлопка – 3,9%, льна – 1,9%, шерсти – 1,7%; в ткачестве хлопка – 3,4%, шелка – 2,9%; трикотажное оборудование простаивало 3% времени. Использование производственных мощностей в 1967 г. характеризовалось следующим диапазоном: максимальные показатели в швейной (96,8%) и обувной (94,5%) промышленности, средние – при изготовлении верхнего трикотажа (90,9%), минимальные – в производстве льняных (58,1%) и шерстяных (73,5%) изделий.

Несмотря на все сложности, к концу VIII пятилетки отрасли легкой промышленности СССР вплотную приблизились к завершающему этапу индустриализации. Итоги VIII пятилетки показали значительный разброс в уровнях технического обновления: доля современных машин и технологий в легкой промышленности составляла от 0,04 до 62% в разрезе различных производств. При этом введенные мощности дали возможность полностью оборудовать 150 новых предприятий и осуществить реконструкцию примерно 200 действующих. Результатом стало увеличение валовой продукции легкой промышленности на 37,7% – существенный рост по сравнению с 14% в предыдущей пятилетке. Основная часть прироста (86%) была достигнута благодаря росту производительности труда, а ее увеличение было обеспечено внедрением новой техники [14, л. 177–179].

Замедленные темпы модернизации в легкой промышленности в 1966–1970 гг. объяснялись комплексом причин. Объективно в тот период далеко не все предприятия могли достичь уровня технической оснащенности передовых производств, поскольку экономика СССР еще не располагала достаточными ресурсами для одновременного перевооружения всех отраслей. Однако решающую роль играли системные недостатки сложившейся модели хозяйствования. Планирование внедрения новой техники страдало отсутствием объективной расчетной базы: приоритет отдавался количественным показателям, а качественные характеристики практически игнорировались. Фрагментарность планирования проявлялась в том, что планы складывались из массы мелких, зачастую неэффективных проектов и не предусматривали сквозной модернизации технологических линий даже на уровне отдельного завода, не говоря о всей отрасли. При этом выпуск средств механизации и автоматизации был сведен к минимуму, и полностью механизированных или автоматизированных производств не существовало. Систематическое невыполнение планов технического перевооружения легкой промышленности объяснялось во многом позицией главного контрагента – Министерства машиностроения для легкой промышленности. Обеспечивая более 90% всех поставок оборудования, его заводы хронически срывали отгрузку, из-за чего реальные масштабы внедрения новой техники не превышали 80% от запланированных [15, л. 203]. При этом качество поступавшей техники зачастую оказывалось неудовлетворительным. Дополнительным фактором становилась низкая эффективность использования уже поступившего оборудования. Производственные коллективы с настороженностью относились к техническим новшествам. Экономический механизм того времени не создавал стимулов для технического обновления: любые перебои, сопровождающие реконструкцию, вели к ухудшению результатов работы, сокращению поступлений в фонды поощрения и, как итог, к уменьшению заработков работников.

В последующие годы задача модернизации предприятий легкой промышленности продолжала оставаться актуальной. На XXIV съезде КПСС в 1971 г. отмечалось, что для форсирования научно-технического прогресса необходимо ускорить обновление технологического парка, активизировать замену устаревших агрегатов, внедрить укороченные амортизационные циклы для оборудования, сократить объемы малорентабельного капитального ремонта и перенаправить высвободившиеся средства на приобретение новой, более совершенной техники [3, с. 45]. XXV съезд КПСС в 1976 г. прямо указал на необходимость технического

перевооружения и реконструкции предприятий легкой промышленности, модернизации оборудования и внедрения средств комплексной механизации и автоматизации [4, с. 42]. XXVII съезд КПСС в 1986 г. выдвинул приоритетную задачу – быстрое технологическое перевооружение за счет внедрения передовой техники, наиболее эффективных технологических процессов и гибких производств. Главные требования к ним: способность оперативно перестраиваться на выпуск новой продукции и обеспечивать максимальную как экономическую, так и социальную отдачу [5, с. 113]. Таким образом, эволюция решений партийных съездов демонстрирует движение от общей постановки задач механизации в 1950-х гг. к конкретным программам технического перевооружения легкой промышленности в 1970-х гг. и, наконец, к комплексной автоматизации и внедрению гибких производств в 1980-х гг. Эта динамика отражала растущее понимание того, что качественный рывок в производстве товаров народного потребления невозможен без технологической модернизации отрасли.

Выводы

Годы VIII пятилетки (1966–1970 гг.) стали важным рубежом в техническом развитии легкой промышленности. В этот период была сформирована основа технического перевооружения: отраслевые министерства получили четкие директивы по реализации единой технической политики, а процесс внедрения новой техники приобрел регламентированный характер с участием Госплана СССР и Государственного комитета по науке и технике. Принятое в 1969 г. специальное постановление правительства закрепило долгосрочные ориентиры по оснащению предприятий высокопроизводительным оборудованием, что свидетельствовало о признании проблемы на высшем уровне. Количественные результаты пятилетки выглядят внушительно: ввод миллионов прядильных веретен, десятков тысяч ткацких станков, создание новых производственных мощностей в трикотажной, швейной и обувной промышленности. Существенно вырос уровень автоматизации, особенно в текстильном производстве, где доля автоматического оборудования достигла 84%. Результатом поставок новой техники стало полное укомплектование оборудованием 150 новостроек и проведение реконструкции примерно 200 действующих производств. Рост валовой продукции на 37,7% (против 14% в предыдущей пятилетке) и тот факт, что 86% прироста было обеспечено за счет повышения производительности труда, наглядно демонстрируют эффект от проведенных мероприятий.

Однако за этими показателями скрываются глубокие противоречия, вскрывшие системные пороки планово-распределительной модели. Главным из них стал хронический разрыв между потребностями отрасли в новом оборудовании и реальными возможностями машиностроения. Недопоставки достигали 23–28% по разным подотраслям, а удовлетворение заявок по отдельным видам техники не превышало 30–50%. Это означало, что даже утвержденные правительством планы технического перевооружения систематически срывались из-за неспособности смежников обеспечить необходимые поставки. Не менее серьезной проблемой оказалась фрагментарность модернизации. Техническое перевооружение носило очаговый характер, не затрагивая производство комплексно. Ни одно предприятие не имело завершенного автоматизированного цикла, а доля ручного труда, особенно на вспомогательных работах, оставалась высокой. В текстильной промышленности менее половины работников были заняты непосредственно на машинных операциях, а в швейной отрасли ручные операции выполняло более половины персонала. Коэффициент сменности оборудования рос медленно, простои оставались значительными, а производственные мощности использовались далеко не полностью. Система планирования внедрения новой техники обнаружила свою несостоятельность: ориентация на количественные показатели при игнорировании качественных, отсутствие объективной расчетной базы, включение в планы непроработанных проектов – все это приводило к тому, что реальная эффективность проведенных мероприятий оказывалась низкой. Многие планы научно-технического развития предприятий представляли собой механическое перечисление мелких проектов, ежегодно переносившихся без исполнения. Показательно, что даже в условиях острого дефицита кадров высвобождение работников в результате внедрения новой техники оставалось незначительным. Важно подчеркнуть и экономическую незаинтересованность предприятий в ускоренной модернизации. Сложившаяся хозяйственная практика делала реконструкцию невыгодной: неизбежные сбои производства вели к ухудшению текущих показателей, сокращению фондов стимулирования и снижению заработной платы. Технические новшества воспринимались коллективами с настороженностью, а не как средство повышения эффективности.

Таким образом, VIII пятилетка стала периодом, когда в полной мере проявилось противоречие между масштабными задачами технического перевооружения и ограниченными возможностями административно-командной системы по их реализации. С одной стороны, были достигнуты несомненные успехи, а с другой – заложенные в этот период системные проблемы (некомплексность модернизации, хронические недопоставки, слабая экономическая проработка планов, отсутствие у предприятий реальных стимулов к обновлению) продолжали сдерживать развитие легкой промышленности и в последующие годы. Последующие съезды партии (XXIV, XXV и особенно XXVII) вновь и вновь возвращались к задачам ускорения научно-технического прогресса, сокращения сроков амортизации, внедрения гибких производств и автоматизированных систем. Эта повторяемость сама по себе свидетельствует о том, что проблемы, вскрывшиеся уже в годы VIII пятилетки, так и не были преодолены. В целом, опыт VIII пятилетки наглядно продемонстрировал, что без коренного совершенствования хозяйственного механизма, без создания реальных стимулов к техническому обновлению и без обеспечения комплексности модернизации даже самые амбициозные планы технического перевооружения неизбежно будут упираться в системные ограничения плановой экономики.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9. 1956–1960 / под общ. ред. А.Г. Егорова и К.М. Боголюбова. М. : Политиздат, 1986. 574 с.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 11. 1966–1970 / под общ. ред. А.Г. Егорова и К.М. Боголюбова. М. : Политиздат, 1986. 577с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 12. 1971–1975 / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. М. : Политиздат, 1986. 564 с.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 13. 1976–1980 / под общ. ред. А.Г. Егорова и К.М. Боголюбова. М.: Политиздат, 1987. 510 с.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Т. 15. 1985–1988 / под общ. ред. А.Г. Егорова и К.М. Боголюбова. М. : Политиздат, 1989. 674 с.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. Т. 7. Июль 1968 г. – 1969 г. / сост.: К.У. Черненко и М.С. Смиртюкова. М. : Политиздат, 1970. 689 с.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 467. Оп. 1. Д. 640.
8. РГАЭ. Ф. 467. Оп. 1. Д. 1331.
9. РГАЭ. Ф. 467. Оп. 1. Д. 1781.
10. РГАЭ. Ф. 467. Оп. 1. Д. 702.
11. РГАЭ. Ф. 467. Оп. 1. Д. 708.
12. РГАЭ. Ф. 467. Оп. 1. Д. 1780.
13. РГАЭ. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1840.
14. РГАЭ. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2223.
15. РГАЭ. Ф. 467. Оп. 1. Д. 1330.

References

1. Egorov, A.G., Bogolyubov, K.M., ed. (1986) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s''ezdov, konferentsii i plenumov TSK (1898–1986). T. 9. 1956–1960* [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 9. 1956–1960]. Moscow, Politizdat. 574 p. (In Russian)
2. Egorov, A.G., Bogolyubov, K.M., ed. (1986) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s''ezdov, konferentsii i plenumov TSK (1898–1986). T. 11. 1966–1970* [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee(1898–1986). Vol. 11. 1966–1970]. Moscow, Politizdat. 577 p. (In Russian)
3. Egorov, A.G., Bogolyubov, K.M., ed. (1986) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s''ezdov, konferentsii i plenumov TSK (1898–1986). T. 12. 1971–1975* [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 12. 1971–1975]. Moscow, Politizdat. 564 p. (In Russian)
4. Egorov, A.G., Bogolyubov, K.M., ed. (1987) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s''ezdov, konferentsii i plenumov TSK (1898–1986). T. 13. 1976–1980* [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 13. 1976–1980]. Moscow, Politizdat. 510 p.(In Russian)
5. Egorov, A.G., Bogolyubov, K.M., ed. (1989) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s''ezdov, konferentsii i plenumov TSK (1898–1988). T. 15. 1985–1988* [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1988). Vol. 15. 1985–1988]. Moscow, Politizdat. 674 p.(In Russian)
6. Chernenko, K.U., Smiryukova, M.S., (ed). (1970) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam* [Decisions of the Party and the Government on Economic Issues: Collection of Documents. Vol. 7. July 1968–1969]. Moscow,Politizdat. 689 p.(In Russian)
7. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of Economics]. F. 467. Op. 1. D. 640.
8. RGAE. F. 467. Op. 1. D. 1331.
9. RGAE. F. 467. Op. 1. D. 1781.
10. RGAE. F. 467. Op. 1. D. 702.
11. RGAE. F. 467. Op. 1. D. 708.
12. RGAE. F. 467. Op. 1. D. 1780.
13. RGAE. F. 468. Op. 1. D. 1840.
14. RGAE. F. 468. Op. 1. D. 2223.
15. RGAE. F. 467. Op. 1. D. 1330.

Поступила в редакцию 10.07.2026
Подписана в печать 30.09.2026

Original article
UDC 93/94/677.05/685.34.05/687.053
DOI 10.47438/2309-7078_2026_3_200.

THE INITIAL STAGE OF THE USSR'S LIGHT INDUSTRY MODERNIZATION DURING THE VIII FIVE-YEAR PLAN (1966–1970)

Mikhail M. Koroteev[1]

Southwestern State University[1]
Kursk, Russia

[1]*Postgraduate Student of the Department of Constitutional Law, ORCID: 0009-0006-7307-757X, e-mail: mixamickor@mail.ru*

Abstract. Based on the analysis of legal acts and archival documents from the Russian State Archive of Economics, the article examines the process of technical re-equipment of light industry enterprises in the USSR during the Eighth Five-Year Plan. The article shows how enterprises were equipped with spinning machines, weaving machines, transport devices, and other technological equipment in 1966–1970. The author analyzes the achievements and contradictions of technical modernization: on the one hand, an increase in the share of mechanized labor and an increase in productivity, and on the other hand, chronic under-supply of equipment, insufficient complexity of mechanization, and low efficiency of using new technologies.

Key words: technical re-equipment, equipment modernization, advanced technologies, light industry, profitability, enterprises.

Cite as: Koroteev, M.M. (2026) The initial stage of the USSR'S light industry modernization during the VIII five-year plan (1966–1970). *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (3), 200–205. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2026_3_200.

Received 10.07.2026
Accepted 30.09.2026